

живая проза

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

СОВРЕМЕННЫХ

РОССИЙСКИХ

ПИСАТЕЛЕЙ

АНАТОЛИЙ МАЛКИН

а потом
пошел снег...

Москва

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М19

Оформление серии *Петра Петрова*

В оформлении переплета использовано фото
из архива автора

Малкин, Анатолий Григорьевич.

М19 А потом пошел снег... / Анатолий Малкин. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 288 с. — (Живая проза. Произведения современных российских писателей).

ISBN 978-5-699-82772-5

Две недели — маленький или большой срок для поворота судьбы?.. Они почему-то сразу осознали, что это крымское лето станет для них особенным. Он, вполне состоявшийся тридцатилетний, с необычным именем Энгельс, заметил ее, Ольгу, сидящей у костра в окружении других отдыхающих. Он читал стихи Пастернака — она как-то по-особенному его слушала. Их прошлая жизнь словно перестала существовать, они вдруг поняли, что готовят им будущее...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82772-5

© Малкин А., текст, 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Повести

СЕРЕДИНА ЛЕТА

Кличка у него была Конь — сначала, во дворе и компаниях, из-за фамилии, а потом уже за сходство — он на самом деле по складу своего характера, по отношению к жизни и чувствам, был не скакун, не пристяжной, не битюг, не рысак и, конечно, не иноходец. Он был коренник — Конь, Конев.

К фамилии он сначала привык, а потом, втянувшись в жизнь, и полюбил, а вот к имени Энгельс, которое ему услужили перепуганные советской властью родители, привыкать не хотел и звал себя химическим именем Гелий.

Те, кто его любил и потакал, не перечая, звали ласково Геликом или Гелечкой, маме он позволял и Лелика, и жизнь текла в ладу и согласии с ними.

Но однажды в профкоме — было такое место в Советском Союзе, где простым смертным членам профсоюза — а Гелий, как и все тогда, в добровольно-обязательном порядке в нем состоял, — выдавали разные бесплатные путевки. Советский Союз был вообще странной страной, во многом опасной, но и удивительной. Например, там многое было бесплатным. Квартиры были бесплатными, и земля была бесплатной, и больницы, и школы, и институты, детсады, рестораны, полеты на самолетах и поездки в метро — все было практически бесплатным. В общем, в свои шестьдесят с хвостиком Энгельс Петрович, со своей черной конверточной зарплатой, на фоне тех цен мог бы чувствовать себя богатым и позволить себе многое. Но раньше Гелий, как и все, работал тоже практически бесплатно. Ну, в том смысле, что деньги, конечно, платили, но столько, что хватало на остальное, тоже необходимое, скажем прямо, еле-еле. Поэтому было принято забегать в профкомы, где талоны на продуктовый заказ к празднику или ссуды в черной кasse на покупку югославских сапог, можно было

иногда совершенно неожиданно отхватить и что-нибудь совсем уж бесплатное, в виде поощрения членам профсоюза.

Вот и Гелию неожиданно обломилась путевка на турбазу под Севастополем, и он, вполне состоявшийся тридцатилетний гражданин, уже выбравший себе женщину и родивший ребенка, но пребывающий в мечтах о чем-нибудь таком, совсем необыкновенном, не раздумывая ни минуты, собрал чемодан и помчался туда, где никто ничего еще не знал про будущую незалежность и где один карбованец пока стоил ровно один рубль.

Он сел на портовый катер вместе с толпой живописно раздетых отдыхающих и поплыл мимо подлодок и крейсеров, на другую сторону бухты, на встречу с ней, с Олей Мороз, которая уже появилась здесь днем раньше, прилетела из Химок, что под Москвой.

Устраиваясь во втором девчачьем корпусе, она собиралась позагорать, наплаваться и передохнуть перед зимой, совершенно не собираясь ничего менять в своей уже сложившейся семейной жизни. Хотя кто знает, что за мыс-

ли бродили в голове этой милой, сдержанной девушки, страстную натуру которой выдавали только очень тихие, серые, прозрачные глаза. Иначе, собственно, с чего бы это ей нужно было ехать сюда одной, в это сумасшедшее сортище воспаленных солнцем и страстями молодых строителей коммунизма. Стойотря-довская прежняя юная жизнь, похоже, никак не оставляла ее и баламутила воображение, что, конечно, не могло оправдать ее, но с другой стороны, так хотелось возобновления чувств, прежних, о которых начала забывать.

Это будущее, эта возможность пока только клубились на горизонте, превращаясь в грозовую тучу с молниями, громом и водопадным дождем, который смоет грехи и освятит, конечно.

Две недели — маленький или нормальный срок для поворота судьбы? Иной годами медленно перебирает ногами привычную колею и думает, что так будет всегда, смирившись со своим уделом. Но обязательно и у него случатся роковые две недели, два дня, два часа, две

минуты, которые перевернут пространство вокруг и заставят жить, заставят выбирать. Если, свалив вину на обстоятельства, не решишься — то не увидишь возможного. Если решишься — потеряешь настоящее. Как рас считать, чтобы не поменять обертку на обертку? Может, просто считать не нужно? А это умеют не многие.

Турбаза, по словам попутчиков, была на самой верхотуре крутого берега, над синей, с огромными радужными разводами от нефтяных пятен, воде бухты, по берегам которой, кроме кранов судоремонтного завода, доков и множества причалов с коробочками военных кораблей, окрашенных в серо-сталистый, сводящей зубы в ломоту шаровый цвет, весело громоздился южный город, раскидываясь во все стороны, и вверх, и далеко вглубь кварталами белых и розовых зданий, самой невнятной, но ужасно живописной малороссийской архитектуры.

По круто забиравшей вверх, пробитой в желтом песке с рытвинами и промоинами от потоков дождевой воды улице можно было за

браться только на вездеходе или пешком. Он ухватил чемодан за ручку и, забросив его себе на спину, почапал по жаре голый по пояс, но в новеньких американских джинсах и, конечно, адидасовских кроссовках — мечте любого советского жителя тех лет. Форс был дороже денег, и держать его надо было с первой минуты.

На вершине яра с одной стороны был крутый спуск по каменистым тропинкам к морю, уходящему за горизонт круглой синей линзой и лениво лоснящемуся на солнце, с другой — стояли запертые на висячий замок дряхлые, давно не крашенные железные ворота, знакомые любому советскому человеку еще с пионерлагеря, армии, а тем, кому не повезло, — тюрьмы.

Калитка была распахнута настежь.

Гелий, обмахнув пыль с джинсов и натянув ковбойку, пошел устраиваться на постой. Внутри было все устроено так привычно и до боли знакомо, что он без труда нашел коменданта, определившего его в первый корпус. Не удивился тому, что пропустил последнюю кормежку и теперь до утра мог рассчитывать

на кулек семечек, которые купил на станции, и воду из дюралевого бачка с жестяной кружкой на длинной цепочке, который стоял на табуретке в углу спальни номер пять. Из восемнадцати панцирных коек заняты были только две, пружины которых свисали до пола, навсегда обессилев от множества ночных под тяжестью мужских тел.

Гелий был Близнецом по знаку зодиака, верил, что в нем живут два разных существа, и использовал это знание по существу. Он жил в Советском Союзе давно и знал, что качество жизни здесь находится в прямой зависимости от сообразительности. Но, почитая себя только одним из Близнецов, человеком творческим и стеснительным, предпочитал выпускать на волю для решения щепетильных вопросов второго человека, умелого и нахального.

Второй Гелий вынул из чемодана коробку конфет грильяж московской фабрики «Рот Фронт», присовокупил к ним новый, только что выпущенный и доставшийся ему по страшному блату диск с песнями Высоцкого — и отправился к начальствующей над этой территорией даме.

Универсальная отмычка к сердцам руководящих советских дам от Москвы до Владивостока, от Мурманска до Севастополя — иногда заменяя в составе набора грильяж на шоколад фабрики «Красный Октябрь» или торт «Киевский», а премьерные пластинки или билеты на Таганку на рижские духи фабрики «Дзинтарс» и букет красных гвоздик — действовала безотказно. Его следующее появление в спальне номер пять в сопровождении двух рабочих и новой кровати произвело ошеломляющее впечатление на будущих соспальников, вернувшихся с ужина и наводивших марафет, готовясь к выходу на танцы.

Но все же не умение устроиться и не импортная упаковка, на которую он потратил тайком от жены все деньги за изготовленную для хмыря-начальника отдела диссертацию, не то, что он классно танцевал и твист и рокешник и знал все слова десятков песен Галича, Визбора и Высоцкого и многих хороших старых романсов, нет, не только эти умения поставили его в центр компании из пятой спальни. Скорее всего, это произошло потому,

что он никогда ничего не делал за счет других, или за то, что был надежным, как танк, товарищем и ответственным, как Павка Корчагин, и еще веселым, заводным — словом, был нужной находкой для компании.

Настоящее имя его произвело фурор, и быстро была утверждена секретная тройка из гонощистого усатого Марченко Владимира, сумрачного, но очень надежного Миллера Карла, ну и, естественно, Конева Энгельса. Иосиф, конечно, тоже нашелся, но поскольку он был Каценельсоном, то все решили, что Сталин-еврей — это уж слишком, тем более что его уже прозвали Кальсона за то, что на ночь, какая бы жаркая она ни выпадала, Йосик всегда надевал синие трикотажные кальсоны, будучи уверенным, что только этот способ поможет ему не простудить свое мужское достояние — а этого добра ему привалило так богато, что в бане рядом с ним становилось страшно.

Руководящая тройка выдвинула несколько понятных и приятных отдыхающим мас-сам лозунгов: «Взять от отдыха все», «Пляж, танцплощадка и базар — спальне номер пять»,